

КРИЗИС ИДЕИ ПРАВОВОГО ПРОГРЕССА

Архипов Сергей Иванович

Профессор кафедры теории государства и права
Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург),
приглашенный профессор Университета «Париж-Нантер» (Париж, Франция),
доктор юридических наук, e-mail: arhip10@mail.ru

В статье исследуются истоки идеи социально-правового прогресса, ее генезис; отмечается возникшая в конце XIX – начале XX в. в западной правовой культуре тенденция к отрицанию идеи поступательного восходящего правового развития общества и подробно анализируются причины ее появления. Рассматриваются социальные условия, цивилизационные факторы, роль профессионального юридического сообщества, а также юридической науки в зарождении и осуществлении идеи правового прогресса. Обсуждается значение цивилизационных вызовов, внешних факторов, способных вывести человечество из правовой стагнации на путь прогресса.

Ключевые слова: правовой прогресс, правовой регресс, правовая культура, цивилизационные вызовы, движущие силы правового прогресса

A CRISIS OF THE IDEA OF LEGAL PROGRESS

Arkhipov Sergei

Professor, Ural State Law University (Yekaterinburg), Paris Nanterre (Paris, France),
doctor of legal sciences, e-mail: arhip10@mail.ru

The article examines the origins of the idea of social and legal progress and its genesis. It highlights the tendency that arose in the late XIX – early XX century in the Western legal culture to deny the idea of progressive upward legal development of society, and analyses in detail the causes of this phenomenon. Social conditions, civilizational factors, a role of the professional legal community and the legal science in the emergence and implementation of the idea of legal progress are considered. The author talks about the significance of civilizational challenges and external factors that can bring humanity out of the legal stagnation and move it forward towards progress.

Key words: legal progress, legal regression, legal culture, civilizational challenges, driving forces of legal progress

Идея правового прогресса как поступательного, восходящего движения человеческого рода к идеальному социально-правовому устройству имеет многовековую историю. Отдельные авторы видят ее истоки в античной культуре, в древнегреческом сознании, другие же относят ее зарождение к более позднему периоду – к Новому времени. В основе ее лежат религиозные (иудейско-христианские) представления о предустановленной свыше цели, которая последовательно реализуется в социальной истории. Как светская (социально-правовая) идея, она получила развитие в трудах многих деятелей эпохи Просвещения, но наиболее значительный вклад в ее концептуализацию внесли И. Кант и Г. Ф. Гегель. Они, исходя из принципа линейного, восходящего развития общества, создали свои теории будущего социально-правового устройства мира (что их последователи не совсем корректно назвали «теорией правового государства»)¹.

¹ По словам С. С. Алексеева, хотя И. Кант и считается основателем теории правового государства, однако конечной целью он видел создание правового гражданского общества, которое вбирает в себя «все то позитивное, что содержит и теория правового государства» (Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М., 1998. С. 364).

Как важная составная часть более общей идеи социального прогресса, она все глубже прорастала в массовом сознании и достигла расцвета, как утверждает Р. Нисбет, в период с 1750 по 1900 г., став не просто одной из важных идей западной цивилизации, а доминирующей над другими (своего рода сверхидеей, определяющей европейское сознание)¹. Однако в начале XX в. произошел кардинальный переворот в западном цивилизационном сознании, наступил переломный период в истории идеи социального прогресса вообще и правового прогресса в частности. Мощная волна скептицизма по поводу данной идеи и самой способности человечества прогрессировать захлестнула научную и философскую литературу (Жорж Сорель, Генри и Брукс Адамсы, Остин Фримен, Освальд Шпенглер, Фредерик Дж. Теггарт и многие другие). Так, Н. А. Бердяев в 1923 г. писал: «Учение о прогрессе есть, прежде всего, совершенно ложное, не оправданное ни с научной, ни с философской, ни с моральной точки зрения обоготворение будущего за счет настоящего и прошлого»². Но первые сомнения в отношении идеи прогресса, ее осуществимости, как верно отметил Р. Нисбет, были высказаны еще в XIX в. в трудах А. Токвиля, Я. Буркхардта, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, М. Вебера³. Они уже тогда предвидели наступление эпохи регресса: разложения западной демократии, возникновения в Европе деспотических режимов, удушения индивидуальной свободы, упадка правовых институтов, бездуховности, потребительства.

Сам Р. Нисбет приводил пять основных предпосылок, на которых покоилась идея прогресса: 1) вера в ценность прошлого; 2) убежденность в величии и превосходстве западной цивилизации над всеми иными; 3) акцент на экономической и технологической составляющих процесса социального развития; 4) вера в разум, научное знание; 5) признание в качестве исходной ценности жизнь на Земле, т. е. «земные блага». Он в качестве причины наступления кризиса идеи прогресса называл неприятие перечисленных предпосылок как аксиом сознания новыми поколениями европейцев⁴.

Если согласиться с точкой зрения британского историка по поводу предпосылок идеи прогресса и причин ее отторжения, то следует констатировать, что кризис идеи⁵ выходит далеко за рамки научной сферы, он касается общественного сознания, европейского мировоззрения, затрагивает культурный фундамент стран Запада. Это кризис цивилизационных ориентиров, устремлений, веры значительной части человечества в социальное будущее. По сути, деятели эпохи Просвещения «переформатировали» христианскую идею земного рая в идею вселенского социально-правового строя (гражданско-правового состояния). Угасающее европейское религиозное сознание, основательно «раскачанное» внутренними церковными конфликтами, расколами, ухватилось за новый идеал мироустройства, который перестал быть одной из научных концепций, нуждающихся в критическом осмыслении. Образ «светлого правового будущего» стал символом веры для покинувших лоно церкви скептиков. На идею социально-правового прогресса сегодня нанизывается система западных ценностей, она является их внутренним стержнем. С учетом данного обстоятельства вполне убедительными представляются слова Г. Д. Бермана о том, что «мы находимся в середине беспрецедентного кризиса правовых ценностей и правовой мысли, кризиса, в котором ставится под сомнение вся наша традиция права – не только так называемые либеральные концепции последних нескольких столетий, но сама структура западного правового порядка»⁶.

Признанию величия западной цивилизации, ее победному шествию по всему миру в немалой степени способствовали провозглашаемые ею правовые принци-

¹ Нисбет Р. Прогресс: история идеи. М., 2007. С. 269.

² Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое средневековье. М., 2002. С. 183.

³ Нисбет Р. Прогресс: история идеи. С. 477–479.

⁴ Там же. С. 475.

⁵ П. И. Новгородцев в 1909 г. писал: «...каждый раз, когда говорят о кризисе в области идей, это может обозначать одно из двух: или полное крушение каких-либо прежних понятий, или их готовящееся преобразование. В том и другом случае кризис обозначает период сомнений и неопределенности, которые должны смениться или безнадежной утратой старых верований, или напряженностью новых исканий и нового творчества» (Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания. М., 1909. С. 13).

⁶ Берман Г. Д. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М., 1998. С. 48.

пы социальной коммуникации. То, что не в состоянии были сделать Ватикан и крестоносцы – объединить человечество на основе отстаиваемых ими идеалов, без видимых усилий, физического или психического насилия смогли осуществить деятели эпохи Просвещения, сформулировавшие притягательные даже для незападного мира представления о будущем ненасильственном правовом строе без войн, кровопролитных конфликтов, в котором высшей ценностью являются права человека, а отношения между людьми строятся на принципах не господства и подчинения, а совмещения интересов. Укоренившись в сознании представителей других цивилизаций, эти идеи стали мировым достоянием, основой организации и деятельности ООН, международного правопорядка. Если оценивать масштаб и значение нарастающего кризиса правовых ценностей, то можно утверждать, что он уже перестал быть проблемой одной лишь западной цивилизации, превратился в глобальную, общемировую проблему, затрагивающую все страны и народы.

Анализируя наметившиеся в конце XIX – начале XX в. в западной правовой культуре тенденции нивелирования идеи поступательного, восходящего правового развития общества (теории О. Шпенглера, А. Тойнби и др.)¹, а также саморазрушения «краеугольного камня» западного сознания – веры в социально-правовой прогресс человечества, важно выделить причины данного процесса.

Можно предположить, что первая причина кроется в самих субъектах – носителях правового сознания, тех, кто последовательно отстаивает идеалы свободы, равенства, справедливости, кто готов сражаться за «светлое правовое будущее». В числе тех, кто первым обратил внимание на проблему кризиса идеи социального прогресса и того надлома, который произошел в западном сознании в XIX в., был К. Маркс. Если в своих ранних трудах («Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции», «Дебаты по поводу закона о краже леса», «Оправдание мозельского корреспондента» и др.) он исходил из гегелевских представлений о правовом прогрессе, отстаивая идею «чистого золота права», то в более поздних трудах он кардинально изменил свою позицию в отношении концепции линейного, поступательного социально-правового прогресса.

К. Маркс обратил внимание на то, что главным субъектом-носителем этой идеи была буржуазия, которая выросла из сословия свободных горожан и играла в истории «чрезвычайно революционную роль», но, завоевав власть, стала реакционной силой, готовой «повернуть назад колесо истории»². Одним из следствий успешного осуществления буржуазных революций (нидерландской, английской, французской, американской) стало изменение того прогрессивного настроения, «духа», который был нацелен на осуществление правовых идеалов, стремился к правовому будущему человечества. К. Маркс и Ф. Энгельс выделяли в рамках буржуазии различные группы, слои: крупная буржуазия, мелкие промышленники, мелкие торговцы, рантье и т. д. Наиболее реакционной группой ими признавалась пришедшая к власти крупная буржуазия. В меньшей степени тезис об утрате прогрессивного правового «духа», если следовать их теории, применим к средней и мелкой буржуазии. Как представляется, предположение К. Маркса о том, что значительная часть среднего сословия не выдержит конкуренцию и пополнит ряды пролетариата, не оправдалось. Средний класс в странах западного мира не только не уменьшился, но значительно вырос и, что самое главное, не утратил прогрессивного правового «духа». С точки зрения классового обоснования кризиса идеи правового прогресса можно говорить о том, что оно имеет право на существование не в качестве решающего фактора, а как причина определенного надлома правового сознания³.

¹ Подробнее см.: Архипов С. И. Теории социально-правовых циклов О. Шпенглера и А. Тойнби // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 4. С. 5–17. URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1502>.

² Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 425–426, 434.

³ Сам К. Маркс в качестве новой революционной силы называл пролетариат, который должен, по его мнению, выступить «могильщиком буржуазии». Однако это образное высказывание, приведенное им в «Манифесте Коммунистической партии», не отражает теснейшую зависимость между ними: они есть две половины единого экономического «тела». Марксистские концепции диктатуры пролетариата, коммунизма (бесклассового общества, где нет места праву и государству), на наш взгляд, также внесли свою лепту в кризис европейской идеи правового прогресса.

Вторая («цивилизационная») причина кризиса идеи правового прогресса кроется в особенностях, так называемой душе (согласно представлениям и терминологии О. Шпенглера) западной культуры. Как полагал О. Шпенглер, каждая культура основывается на собственной религии; для Запада таким фундаментом стал германско-нордический католицизм. Это не христовы заповеди любви к ближнему, не религия монахов, аскетов, а религия завоевателей, конкистадоров, стремящихся «превратить всю земную поверхность в единую колониальную область и экономическую систему»¹. Нацеленность на мировое господство – вот то главное, что характеризует западную («фаустовскую») душу. Схожих взглядов о характере и устремленности западной цивилизации придерживался А. Тойнби, который также видел ее истинную цель в мировом господстве².

Внутренний стержень западной культуры составляет ее нордическая душа; внешнюю форму, «фасад» – права человека, принципы правового государства, кантовско-гегелевские идеалы всемирного правового устройства. В борьбе за мировое господство (с Советским Союзом, Китаем, Кубой, Северной Кореей, другими странами) эти принципы и идеалы стали своего рода идеологическим оружием, причем весьма эффективным. Запад противопоставил «восточной» вере в коммунизм собственную веру в правовое будущее, в теоретическом же плане одной модели социального прогресса (марксистской) была противопоставлена другая модель общественного развития. В этом теоретико-идеологическом противостоянии, борьбе за мировое господство победу одержали западное учение о будущем человечества и основанная на нем идеология. В 1991 г. (с распадом СССР) наступила новая эра в истории западной культуры: она достигла заветной цели – мирового господства, однако, осуществив ее, исчерпала свой потенциал.

То внутреннее противоречие между западными правовыми идеалами и антиправовыми устремлениями нордической души, которое начало проявляться уже в XVIII–XIX вв., в XX столетии достигло апогея. Наиболее показателен в данном отношении тот «цивилизационный выбор», который был сделан в прошлом веке германским и американским народами. Германский народ, который, по мнению Гегеля, представляет наиболее культурную часть человечества, воплощает в себе христианский дух, призванный осуществить свободу, постигший «бесконечную позитивность своей внутренней сущности, начало единства божественной и человеческой природы»³, дважды в течение XX в. (в 1914 и 1939 гг.), выбирая между войной за мировое господство и социально-правовыми идеалами, предпочел войну. Причем войну без правил, в нарушение международных конвенций, соглашений, правовых и этических норм (применение впервые в истории человечества химического оружия – 1915 г.; массовое уничтожение мирного населения в газовых камерах, концлагерях, пытки военнопленных, принудительный детский труд – 1939–1945 гг.). Великие правовые идеалы И. Канта и Г. Ф. Гегеля с легкостью были растоптаны их потомками, как только перед ними открылась перспектива мирового господства. Идея всемирного гражданского состояния оказалась бессильной перед животным инстинктом, природным стремлением к власти.

Другой представляющий западную цивилизацию народ, также оказавшийся в XX в. в ситуации выбора между мировым господством и справедливым правовым устройством, – американцы. Нация, которая приняла один из самых совершенных в правовой истории конституционных актов (Конституцию 1787 г. с Биллем о правах 1789 г. и другими поправками), для которой статуя Свободы – символ веры, высших правовых устремлений, тем не менее, выбирая между мировым господством и правовыми идеалами, предпочла первое. Как утверждает американский режиссер О. Стоун: «Мы дошли до предела, мы оказываем разрушительное воздействие на историю человечества. Должен сказать с сожалением (поскольку я люблю свою страну!), что мы стали силой зла», «все империи рушатся», а США «и есть империя зла»⁴.

¹ Шпенглер О. Закат Европы: в 2 т. М., 2003. Т. 1. С. 394, 475.

² Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991. С. 245.

³ Гегель. Философия права. М., 1990. С. 377.

⁴ Стоун Оливер: «То, что мы сделали с Россией, просто ужасно» // Howto News. 2020. 5 февр. URL: https://howto-news.info/to-chto-my-sdelali-s-rossiej-prosto-uzhasno-oliver-stoun-predskazal-imperii-zla-uchast-sssr/?utm_medium=referral&utm_source=infox.sg&utm_campaign=exchange.

В истории западной цивилизации на развилке между мировым господством и правовым прогрессом оказывались не только Германия и США, но и наполеоновская Франция, Испания периода конкистадоров, Португалия, Великобритания, другие страны. И почти всегда, когда правящим кругам европейских стран представлялось достижимым мировое господство, из-за правового «фасада» вырывалась нордическая душа не обремененного нравственными принципами захватчика. Правовые ограничители оказались слишком слабыми, чтобы сдерживать природный инстинкт власти, противостоять ему. Когда у народа, нации есть возможность навязать другим свою волю, жить и процветать за счет них, то трудно убедить властвующего субъекта отказаться от собственных преимуществ, встать на тернистый правовой путь согласования своих интересов с интересами тех, кто изначально слабее тебя, не может противостоять твоему насилию, руководствоваться не выгодой, а гуманистическими идеями, принципами свободы и формального равенства.

Западная культура (цивилизация), по убеждению О. Шпенглера и А. Тойнби, находится в ситуации надлома и разложения (распада), и с этим выводом трудно не согласиться. Причина ее надлома – не внешняя, а внутренняя, она заключена в так называемой фаустовской душе, осуществившей свое исходное стремление к мировому господству, но на пути к заветной цели растерявшей нравственно-правовой потенциал, систему ценностных ориентиров, веру в идеалы свободы и равенства, в правовой прогресс человечества. Идеи, которыми гордился западный мир и которые способствовали всемирному признанию величия его культуры, потеряли былую привлекательность для потомков Д. Локка, Ш. Монтескье, Т. Джефферсона, И. Канта и Г. Ф. Гегеля, стали балластом для мирового гегемона.

Третья причина кризиса идеи правового прогресса заключена в отношении профессионального юридического сообщества к правовым идеалам, понимании им своей социальной роли. Как отмечает А. П. Семитко, «юристы, в истинном смысле этого слова, должны были служить идеалам права... призваны защищать личность от произвола любого субъекта, в том числе от произвола государства»¹. По его мнению, профессиональное юридическое сообщество – это движущая сила правового развития². Именно такой движущей силой правового прогресса выступали римские юристы, выстроившие систему частного права, востребованную в течение двух тысяч лет; американские юристы, создавшие Конституцию 1787 г.; французские правоведы, чье определение собственности в Кодексе Наполеона, как писал Гегель, «является громадным прогрессом, который часто не ценят так, как следовало бы ценить»³.

В XX и XXI вв. прогрессивный потенциал профессионального юридического сообщества не только в России, но и в других странах был значительно утрачен, изменилась его роль в правовой коммуникации. Если сопоставить влияние римских юристов классического и доклассического периодов (с IV в. до н. э. по III в. н. э.) на римское государство и общество той эпохи, с одной стороны, и современного профессионального юридического сообщества в России или в странах Запада на нынешнее общество и государство, с другой стороны, то можно прийти к выводу, что современные юристы перестали быть движущей силой социально-правового прогресса, как это было в Древнем Риме. Деятельность римских юристов имела правообразующий характер: они не просто комментировали существующие нормы, а интерпретировали их в духе естественного права, собственных представлений о добре и справедливости. Цивильное право (*jus civile*), по сути, было правом юристов, их решения признавались обязательными для судов; даже римские императоры стремились опереться на их авторитет, заручиться поддержкой. На мнения юристов-классиков в III в. н. э. ссылались как на закон⁴.

Сегодня же деятельность профессионального юридического сообщества неразрывно связана с государством, политикой. Судья, прокурор, юристы, оформляющие

¹ Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург, 1996. С. 211.

² Там же. С. 210.

³ Гегель. Указ. соч. С. 403.

⁴ Подробнее см.: История политических и правовых учений. Древний мир / отв. ред. В. С. Нерсесянц. М., 1985. С. 292–293.

законодательные решения, осуществляющие регистрацию сделок с недвижимостью, регистрацию юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и т. д., – служители государственной власти. Государственные задачи и функции в той или иной мере осуществляют нотариусы и даже адвокаты. Нынешнее профессиональное сообщество юристов не проводит границу между политической и правовой коммуникацией, не разделяет их, не признает особой значимости, высшей ценности юридической деятельности. Как точно отметил Н. Луман, закон в современном обществе (включая конституцию) является элементом скорее политической, чем юридической системы¹. Юристы XXI в. не обладают тем авторитетом, который был у римских юристов, не претендуют на роль законодателя, уступая свое место фигуристам, биатлонистам, «дояркам и кухаркам». Профессиональное юридическое сообщество считает естественным, разумным принятие правотворческих решений людьми, не обладающими правовыми знаниями, не освоившими юридических технологий, не знающими мировой опыт регулирования социальных отношений.

Если для римских юристов право было искусством (наукой) добра и справедливости (Цельс), сферой торжества разума, духовности и нравственного сознания, то для большинства представителей нынешнего юридического сообщества – это воплощенная в законе политическая воля суверена (гипотетического большинства или правящих элит). Современные служители права не верят в свое высшее социальное предназначение, не ощущают нравственного превосходства по отношению к миру политических страстей, не несут в массы «чистое золото права». После эпохи Просвещения, И. Канта и Г. Ф. Гегеля в юридической среде были значительно утрачены воля, желание осуществлять восхождение к правовым вершинам, вести за собой общество.

Профессиональное юридическое сообщество заняло чрезвычайно удобную для себя социальную нишу – под «лестницей» правового прогресса, которая сулит гораздо больше материальных и иных выгод, чем жизненный выбор Папиниана, Кондорсе и других сторонников идеи социального прогресса, жертвовавших своей жизнью во имя идеалов. Юридическая профессия давно превратилась в особую сферу бизнеса, где определяющим является меркантилизм, а не высокие идеалы. Поэтому ожидать от современного юридического сообщества жертвенности в борьбе с государством, политическими элитами за нравственно-правовые ценности бесперспективно.

С одной стороны, резонно было бы подождать, пока на смену нынешнему поколению юристов придет другое, нацеленное на осуществление правовых идей эпохи Просвещения, способное повести за собой общественность; с другой – ускорение технического развития, появление новых видов вооружений, опасных технических устройств создают реальную угрозу самоуничтожения человечества. Возникает «эффект ножниц», когда технический прогресс уходит далеко вперед, а нравственно-правовое развитие останавливается, более того, происходит движение вспять, регресс. Представители естественных и технических наук все чаще призывают юристов не отставать от технического развития, не сдерживать прогресс в данной сфере. Некоторые же, как, например, один из создателей водородной бомбы академик А. Д. Сахаров, после осознания угроз применения своих изобретений вынуждены были сами заняться правозащитной, просветительской деятельностью, писать проекты конституционных актов, вносить свой вклад в разработку теории социального прогресса². Однако все попытки вернуть юридическое сообщество на путь правового прогресса не имели ожидаемого эффекта.

Когда в профессиональном сознании юристов отсутствуют внутренние стимулы к прогрессу, то остается надеяться на внешние факторы. И. Кант к числу таких внешних факторов, оказывающих заметное влияние на социально-правовой прогресс, относил общественные конфликты, войны. Действительно, после Первой и Второй мировых войн, когда человечество утонуло в крови, наступали всплески правовой

¹ Посконина О. В. Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества: моногр. Ижевск, 1997. С. 41–42, 65, 79.

² В 1967 г. А. Д. Сахаров совместно с журналистом Э. Генри написал для «Литературной газеты» статью о роли интеллигенции и опасности термоядерной войны, а в 1968 г. опубликовал книгу «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе».

активности: составлялись и подписывались новые конвенции, декларации, осуществлялись показательные судебные процессы, создавались международные организации (Лига Наций, ООН и др.), призванные поддерживать мир. Однако этого внешнего «заряда» хватало ненадолго, через некоторое время вновь наступал период правовой стагнации и регресса. Что может подвигнуть юридическое сообщество вместе с вездомым им человечеством в XXI в., по прошествии 75 лет со дня окончания Второй мировой войны, снова пойти по пути правового прогресса? Если следовать логике Канта, то остается лишь один аргумент – новая мировая война.

Четвертая причина кризиса идеи правового прогресса заключена в господствующей позитивистской юриспруденции. И. Кант более 200 лет назад сравнил эмпирическое учение о праве (догматическую юриспруденцию) с головой, «которая может быть прекрасна, но, увы, не имеет мозга»¹. Как представляется, кантовская оценка состояния юридической науки до сих пор не утратила актуальности. Позицию И. Канта по отношению к позитивистской юриспруденции разделял Г. Ф. Гегель: «В праве человек должен найти свой разум, должен, следовательно, рассматривать разумность права, и этим занимается наша наука (философская наука о праве. – С. А.) в отличие от позитивной юриспруденции, которая часто имеет дело лишь с противоречиями»². Догматическая юриспруденция не стремится заглянуть за правовой «горизонт», открыть правовые перспективы человечества. Эмпирический характер, ориентированность на действующее (позитивное) право, юридическую практику ограничивают предмет ее исследований.

На фоне господствующего юридического позитивизма естественно-правовой подход в современной России занимает относительно «скромное» место, но именно в рамках данного течения правовой мысли появились отдельные монографические и диссертационные работы по правовому прогрессу: монография С. С. Алексеева, посвященная основателю теории правового государства и линейной концепции правового прогресса И. Канту; докторская диссертация А. П. Семитко «Развитие правовой культуры как правовой прогресс: Проблемы теории и методологии» (Екатеринбург, 1996); кандидатская диссертация А. Ю. Барсукова «Правовой прогресс как юридическая категория» (Саратов, 2004). Различные аспекты проблемы правового прогресса рассматривались в трудах В. С. Нерсисянца, Ю. И. Гревцова, Ю. К. Краснова, М. В. Сальникова, В. Н. Синюкова, В. М. Шафинова и некоторых других.

Главная проблема, с которой столкнулись представители естественно-правового подхода при изучении данной темы, – это разрушенные философские (кантовско-гегелевские) основания теории социально-правового прогресса. В XX в. линейные теории восходящего правового развития общества И. Канта и Г. Ф. Гегеля были отвергнуты, пришедшие же им на смену циклические концепции не стали им реальной альтернативой, поскольку история становления и развития отдельных культур не способна заменить общечеловеческую историю. Сторонники естественно-правового учения оказались перед непростым выбором: продолжать дальше развивать линейную теорию правового прогресса или попытаться собственными силами устранить ее недостатки, внутренние противоречия, создать нечто новое.

К наиболее существенным недостаткам линейной теории можно отнести прежде всего игнорирование волевого фактора, стремления человечества, включая профессиональное юридическое сообщество, идти по пути прогресса. В XX в. данная теория «споткнулась» об отсутствие воли к правовому развитию; энергия, приводившая в движение социум, иссякла. Техническое развитие еще продолжается, но социально-правовой порыв уже угас. Начиная с А. Тюрго и Н. Кондорсе, общественный прогресс представлялся как объективный, закономерный, неизбежный, при этом не учитывалось субъективное желание людей идти по пути прогресса. И. Кант, следуя за своими предшественниками, рассматривал прогресс как осуществление объективного, заложенного в человеке «замысла природы». С одной стороны, сторонники данного учения презюмировали идею свободы воли человека, его способность самого определять свое будущее, ставить перед собой цели и добиваться их; с дру-

¹ Кант И. Сочинения: в 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 2. С 139.

² Гегель. Указ. соч. С. 57–58.

гой – исходили из предустановленности свыше конечного пункта общественного развития, когда природа сама решает, что для человека хорошо, в каком обществе ему лучше жить. Это внутреннее противоречие между свободой и неизбежностью так и осталось в линейной теории прогресса неразрешенным. Кроме того, согласно Канту, в человеке есть задатки положительные, способствующие социально-правовому прогрессу, и отрицательные – животные инстинкты. Они равноценны с точки зрения их воздействия на человеческое поведение, но из этой предпосылки можно сделать вывод о двух возможных сценариях, двух линиях общественного развития: первая ведет к гражданско-правовому состоянию, вторая – к варварству.

Другой серьезный недостаток линейной теории прогресса, на наш взгляд, заключается в некоммуникативном понимании свободы как главном критерии правового прогресса. Основатели линейной теории прогресса рассматривали свободу преимущественно автономически; так, по И. Канту, свобода в праве есть «независимость от принуждающего произвола другого»¹. Однако автономия, независимость одного лица от другого – это лишь предпосылка правовой коммуникации. В правовых отношениях субъект не независим от другого, он осуществляет свой интерес не сам, а посредством контрагента: покупатель посредством продавца, хранитель – поклажедателя, заказчик – исполнителя и т. д. Правовая свобода индивида заключается не в его автономизации, отстранении от других, а напротив, во взаимодействии с другими. Каждый новый договор, подписанный и исполняемый им, – это осуществление правовой свободы, реализация правовых интересов, социальных потребностей лица; правовая свобода живет в обязательствах, в юридических отношениях. Робинзон, находясь на необитаемом острове, абсолютно свободен от других, от законодателя, судей, судебных приставов, социальных обязательств, но стоит ему вернуться в правовой мир – он утрачивает эту автономию, получая взамен правовую (коммуникативную) свободу.

Еще один существенный недостаток линейной теории социально-правового прогресса – неразграниченность права и политики как двух коммуникативных сфер. У деятелей эпохи Просвещения, а также у Канта и Гегеля отсутствовала четкая граница между правовым взаимодействием (коммуникацией) и политическим. Если взять за основу кантовское определение права («Совокупность условий, при которых произвол одного [лица] совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы»²), то получим одну форму коммуникации, в которой юристы (как в Древнем Риме) выступают в качестве независимых от государства, от власти профессиональных посредников между сторонами, осуществляют функцию «совместителей произволов». В этой модели отношений нет суверена, властвующих и подвластных, есть равноправные лица и профессионалы, которые совмещают их интересы. Если же говорить о кантовской конструкции государства, то она основана на другом коммуникативном принципе, иных началах – на власти и подчинении. В государстве, по мнению И. Канта, должно быть три власти: законодательная (верховная), исполнительная и судебная. В этой конструкции роль юристов сводится к служению власти, народной, демократической, но власти. Идеальное правовое общество – гражданско-правовое состояние – не может строиться на принципиально разных коммуникативных началах, быть одновременно и политическим, и правовым.

В линейной теории есть и другие недостатки, противоречия, однако их наличие не предполагает радикального вывода о том, что идею социально-правового прогресса надо отбросить, отказаться от нее как утопии, ложного учения XIX в. (Н. А. Бердяев). Вместо критического переосмысления творческого наследия И. Канта, Г. Ф. Гегеля философы XX в. совсем отказались от этой ключевой для юридического сознания идеи. Право – это мир духа, мир идей, «царство» свободы, в котором стремление к лучшему, справедливому, разумному мироустройству имеет основополагающее значение. Если отказать человечеству в возможности прогрессировать в нравственно-правовом отношении, то у него останется лишь животное существование.

Рассматривая возможные пути выхода на «дорогу прогресса», можно предположить следующее. Попытки реанимировать западную цивилизацию (предпринятые, на-

¹ Кант И. Указ. соч. С. 147.

² Там же. С. 139.

пример, А. Тойнби), возродить ее угасающую веру в правовое будущее едва ли могут быть успешными. С помощью научных статей, монографий сложно вдохнуть новую жизнь в распадающуюся цивилизацию, история предшествующих Западу культур не знает примеров цивилизационных «воскрешений». Наивно ожидать, что в среде, где духовность вытеснена меркантилизмом, родятся новые Канты и Гегели, которые спасут западный мир. Выход из кризиса, порожденного разрушением системы западных ценностей, означает, на наш взгляд, не возврат в прошлое, а создание принципиально нового.

Скорее всего, определяющим фактором в процессе формирования новой системы правовых ценностей и идеалов будет не внутренний, а внешний фактор, точнее два фактора.

Во-первых, таким мощным импульсом может стать техническая революция («четвертая промышленная», как ее предлагают именовать некоторые бизнесмены и политики), которая уже начала осуществляться в мире. Речь идет о создании искусственного интеллекта, киберфизических систем, геной инженерии, цифровых технологиях. Тот разрыв, «ножницы», который уже существует между техническим развитием общества и его правовым отставанием, регрессом, в случае успеха технической революции может привести к «тектоническим» процессам в социально-правовой сфере: к изменению юридической профессии, технологий, алгоритмов принятия и механизмов осуществления правовых решений. Демократия и основанный на ней современный законотворческий процесс уже в XIX в. проявили свои слабые стороны (обстоятельно раскрытые, например, А. Токвилем); сегодня эти недостатки становятся губительными для западной цивилизации. В мире, где востребован искусственный разум, нужны не дилетанты в качестве законодателей, нормотворцев, а профессионалы высочайшего уровня, способные с математической точностью моделировать социально-правовые отношения. Нужны те, кто сможет прогнозировать последствия, социальные риски правотворческих решений и нести за них ответственность. Новому социальному укладу, рожденному в результате технической революции, потребуется новая плеяда юристов.

Некоторые последствия четвертой промышленной революции уже сейчас проявляются в правовой сфере. В частности, профессиональное сообщество юристов столкнулось с проблемой сокращения юридических кадров в государственном и частном секторе. Так, появление на дорогах автоматических камер слежения за водителями привело к сокращению в одной только России 10 тыс. сотрудников госавтоинспекции, т. е. 20 % общего штата ГИБДД (см. Указ Президента России от 31 декабря 2017 г. № 652). Аналогичные процессы начинают происходить и в других сферах юридической деятельности. Например, компания «Microsoft» уже несколько лет занимается разработкой программ, призванных составить конкуренцию начинающим адвокатам, а также юрисконсультантам предприятий, организаций. В случае успеха данного начинания миллионы юристов по всему миру могут остаться без работы. В этом же направлении движется российский Сбербанк, активно развивающий технологии, которые приводят к существенному сокращению юридического персонала и изменению его деятельности¹. Как показывает опыт осуществления электронно-

¹ В профессиональной юридической среде большой резонанс вызвало заявление президента Сбербанка Германа Грефа, сделанное им перед студентами Балтийского федерального университета в 2017 г.: «Товарищи юристы, забудьте свою профессию. В прошлом году 450 юристов, которые у нас готовят иски, ушли в прошлое, были сокращены. У нас нейронная сетка готовит иски лучше, чем юристы, подготовленные Балтийским федеральным университетом. Их мы на работу точно не возьмем» (Герман Греф посоветовал юристам «забыть профессию» // РБК. 2017. 23 июля. URL: <https://www.rbc.ru/business/23/07/2017/5974b7a69a79477896b6708d>). Его мысль, но уже по отношению к нотариусам развивает М. Барщевский: «С учетом того, что функция нотариуса – проверять ту или иную сделку на ее соответствие закону, это может сделать и компьютер. И регистрировать те или иные важнейшие сделки, вот тут с учетом развития цифровой платформы при оформлении купли-продажи квартиры, к примеру, мне не нужен будет нотариус. Я зайдю в базу данных и увижу – есть ли такая квартира или нет, обременена она или нет. Заключив сделку, компьютер отметит, что такая-то сделка заключена. То есть профессия нотариуса со временем если и не исчезнет, то очень сильно скукожится» (Михаил Барщевский ответил Герману Грефу на слова о ненужности юристов // Российская газета. 2017. 25 июля. URL: <https://rg.ru/2017/07/25/barshchevskij-skoree-roboty-otnimut-rabotu-u-notariusov-chem-u-iuristov.html>).

го правосудия в Германии (автоматическое приказное производство), техническая революция способна кардинально изменить и сферу судебной деятельности. Пока электронное правосудие без участия судьи применяется в случаях отсутствия спора между сторонами, но в перспективе – с развитием юридических технологий – даже при наличии конфликта у субъектов права появится возможность выбора между арбитром-судьей и искусственным интеллектом.

Если оценивать воздействие технической революции на социально-правовую сферу современного общества сквозь призму сформулированной А. Тойнби концепции «вызов-ответ», то следует признать, что для социума, в особенности для юристов, – это такой мощный вызов, который не может остаться без «цивилизационного ответа». Когда миром правит искусственный разум, «юридическая голова» не должна быть, согласно Канту, «лишенной мозга», ее сознание должно соответствовать уровню искусственного интеллекта. Юристам придется думать о своем будущем, о юридической профессии, о месте и значении права в новом мироустройстве.

Во-вторых, сильнейшим стимулом для профессионального юридического сообщества и мировой общественности к преодолению кризиса правового сознания и возвращения на дорогу социально-правового прогресса может стать нарастающая угроза самоуничтожения человечества. Если война – это эффективный, но краткосрочный фактор общественного прогресса, то угроза гибели человечества является долговременным стимулом к правовому развитию. В середине XX в. мир впервые столкнулся с реальной опасностью возникновения ядерного конфликта, который мог иметь глобальные последствия для всех народов. Потребовались сверхусилия политиков, чтобы не допустить его дальнейшего развития. В XXI в. вызревает новый кризис в сфере международных отношений, связанный с очередным витком борьбы за мировое господство. Модель двуполярного мира, которая существовала в период противостояния СССР и США, или многополярного мира, где есть несколько центров политической силы, принципиально не решают проблему самосохранения человечества. Для этого необходимо объединение (союз) государств иного типа, основанное не на политических, а на правовых началах.

То, что не удалось осуществить в прошлом – кантовский проект вечного мира, теперь мировому сообществу в том или ином виде предстоит реализовать в будущем. Не случайно Ю. Хабермас, С. С. Алексеев и другие авторы обращались к наследию великого немецкого философа в поисках решения этой проблемы. Для общественности и профессионального юридического сообщества данный вызов является главным, судьбоносным. Проблему, которую не смогла решить западная цивилизация, предстоит решить другой цивилизации. Она по своему охвату не может быть локальной, как предшествующие ей культуры, не может строиться на политических началах. Чтобы быть способной дать ответ на глобальный вызов человечеству, она должна быть общемировой, основывающейся на принципах правовой коммуникации, идее правового прогресса.

Список литературы

Алексеев С. С. Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М., 1998.

Архипов С. И. Теории социально-правовых циклов О. Шпенглера и А. Тойнби // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 4. URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1502>.

Бердяев Н. А. Смысл истории. Новое средневековье. М., 2002.

Берман Г. Д. Западная традиция права: эпоха формирования. 2-е изд. М., 1998.

Гегель. Философия права. М., 1990.

Герман Греф посоветовал юристам «забыть профессию» // РБК. 2017. 23 июля. URL: <https://www.rbc.ru/business/23/07/2017/5974b7a69a79477896b6708d>.

История политических и правовых учений. Древний мир / отв. ред. В. С. Нерсисянц. М., 1985.

Кант И. Сочинения: в 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 2.

Кончева В. А. Электронное приказное производство в ФРГ: перспективы правового заимствования // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2013. № 2.

¹ См., например: Кончева В. А. Электронное приказное производство в ФРГ: перспективы правового заимствования // Вестник РУДН. Сер.: Юридические науки. 2013. № 2. С. 198–205.

Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., 1955. Т. 4.

Михаил Барщевский ответил Герману Грефу на слова о ненужности юристов // Российская газета. 2017. 25 июля. URL: <https://rg.ru/2017/07/25/barshchevskij-skoree-roboty-otnimut-rabotu-u-notariusev-chem-u-iuristov.html>.

Нисбет Р. Прогресс: история идеи. М., 2007.

Новгородцев П. И. Кризис современного правосознания. М., 1909.

Посконина О. В. Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества: моногр. Ижевск, 1997.

Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Екатеринбург, 1996.

Стоун Оливер: «То, что мы сделали с Россией, просто ужасно» // Howto News. 2020. 5 февр. URL: https://howto-news.info/to-chto-my-sdelali-s-rossiej-prosto-uzhasno-oliver-stoun-predskazal-imperii-zla-uchast-sssr/?utm_medium=referral&utm_source=infox.sg&utm_campaign=exchange.

Тойнби А. Дж. Постыжение истории. М., 1991.

Шпенглер О. Закат Европы: в 2 т. М., 2003. Т. 1.

References

Alekseev S. S. Samoe svyatoe, chto est' u Boga na zemle. Immanuel Kant i problemy prava v sovremennuyu epokhu. М., 1998.

Arkhipov S. I. Teorii sotsial'no-pravovykh tsiklov O. Shpenglera i A. Toinbi // Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnaluu». 2019. № 4. URL: <http://electronic.ruzh.org/?q=ru/node/1502>.

Berdyaev N. A. Smysl istorii. Novoe srednevekov'e. М., 2002.

Berman G. D. Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya. 2-e izd. М., 1998.

Gegel'. Filosofiya prava. М., 1990.

German Gref posovetoval yuristam «zabyt' professiyu» // RBK. 2017. 23 iyulya. URL: <https://www.rbc.ru/business/23/07/2017/5974b7a69a79477896b6708d>.

Istoriya politicheskikh i pravovykh uchenii. Drevnii mir / otv. red. V. S. Nersesyants. М., 1985.

Kant I. Sochineniya: v 6 t. М., 1965. Т. 4. Ch. 2.

Koncheva V. A. Elektronnoe prikaznoe proizvodstvo v FRG: perspektivy pravovogo zaimstvovaniya // Vestnik RUDN. Ser.: Yuridicheskie nauki. 2013. № 2.

Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-e izd. М., 1955. Т. 4.

Mikhail Barshchevskii otvetil Germanu Grefu na slova o nenuzhnosti yuristov // Rossiiskaya gazeta. 2017. 25 iyulya. URL: <https://rg.ru/2017/07/25/barshchevskij-skoree-roboty-otnimut-rabotu-u-notariusev-chem-u-iuristov.html>.

Nisbet R. Progress: istoriya idei. М., 2007.

Novgorodtsev P. I. Krizis sovremennogo pravosoznaniya. М., 1909.

Poskonina O. V. Niklas Luman o politicheskoi i yuridicheskoi podsystemakh obshchestva: monogr. Izhevsk, 1997.

Semitko A. P. Razvitie pravovoi kul'tury kak pravovoi progress. Ekaterinburg, 1996.

Stoun Oliver: «To, chto my sdelali s Rossiei, prosto uzhasno» // Howto News. 2020. 5 fevr. URL: https://howto-news.info/to-chto-my-sdelali-s-rossiej-prosto-uzhasno-oliver-stoun-predskazal-imperii-zla-uchast-sssr/?utm_medium=referral&utm_source=infox.sg&utm_campaign=exchange.

Toinbi A. Dzh. Postizhenie istorii. М., 1991.

Shpengler O. Zakat Evropy: v 2 t. М., 2003. Т. 1.